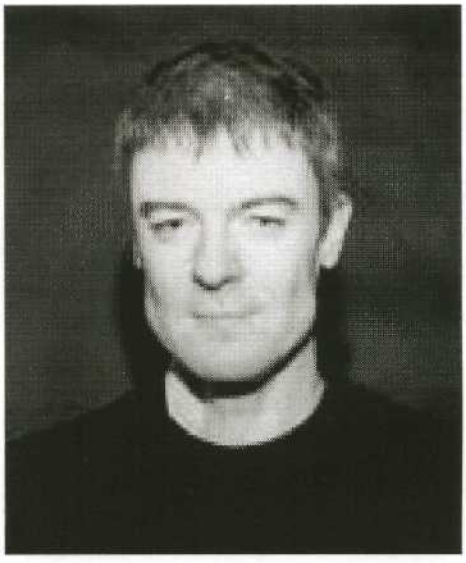
«Я неисправимый, старомодный гуманист»

Беседа с Полом Тейлором



Пол Тейлор - доктор философии, преподаватель Института по изучению коммуникаций университета Лидса, главный редактор журнала «International Journal of Zizek Studies», автор нескольких монографий. В сферу его научных интересов входят критическая теория масс-медиа и теория коммуникаций.

В предыдущем выпуске «Хоры» мы опубликовали его статью «Распознавание образов и быстроизменяющийся капитализм: что говорит литература теоретикам потока». Мы обратились к д-ру Тейлору с просьбой разъяснить некоторые моменты своей работы. В дополнение к нашей беседе, состоявшейся в апреле 2008 г., д-р Тейлор предложил опубликовать его интервью с К. Буддой по поводу его новой книги.

Российские философы почти не используют термин «поток». Я был удивлён, прочитав в вашей статье, что Жиль Делёз (один из моих любимых философов) — теоретик потока. Это тем. более удивительно, что понятие потока связано с понятием «быстроизменяющийся капитализм», а ведь Делёз неизменно ***придерживался*** *крайне левых взглядов. Объясните, пожалуйста, что вы понимаете под «потоком».*

«Течения» (flows) у Делёза и других левых мыслителей, испытавших его влияние, как я понимаю, выступают основанием «желающих машин». Мои доводы относительно «потока» (flux) — всего лишь иной способ мыслить течения. Ключевой момент мой критики Делёза состоит в том, что, в то время как он видит в «течениях» то, что потенциально несёт новые возможности, я считаю необходимым спрашивать о том, кто их контролирует.

Например, подобно Марксу, утверждавшему в «Манифесте коммунистической партии», что «всё сословное и застойное исчезает», Делез усматривает существенную возможность воспользоваться настоятельной потребностью капитализма в детерриториализации и отрыве от корней. Хоть я и согласен с тем, что такая гипотетическая возможность **существует,** моя критика, — носящая скорее практический характер, — направлена на утверждения о том, что человеческое желание или имажинативное отно-

© P. Talor. 2008.
© А.В. Дьяков, 2008.

шение к течениям действительно подрывают «капитализм» или «систему» (неважно, как вы называете тех, кто держит в своих руках власть над обществом).

Люди склонны забывать вторую часть утверждения Маркса: «...все священное оскверняется». Сегодня её можно прочесть положительно — разрушение организованной религии и т.п., но я склоняюсь к весьма убедительному аргументу, присутствующему в работах таких людей, как Жан Бодрийяр: в стремлении влиться в поток значимые, важнейшие ценности традиционной символической культуры разрушаются и утрачиваются.

Должно быть, я просто неисправимый, старомодный гуманист, сетующий на утрату традиционного субъекта, но, пока этому последнему угрожают «течения» и «потоки», радоваться нечему. Именно так я и отношусь к «Человеку без свойств» Музиля: в то время как некоторые пытаются прочесть его как пример созидания новой формы субъективности, я рассматриваю его как долгое стенание по тому типу субъективности, который убивает технология.

То же самое можно заметить в спорах по поводу предложенного Франкфуртской школой понятия культурной индустрии. Согласно Адорно и его коллегам, напряжённость между частным и общим в произведении искусства разрушается из-за того, что, становясь товаром, оно делается абстрактным и шаблонным.

Возвращаясь к Делезу... этот процесс абстракции действительно открывает некоторые временные возможности подрыва капитализма — например, зрители могут реинтерпретировать сообщение медиа, — но даже эти акты сопротивления система вскоре вбирает в себя и использует для того, чтобы производить всё больше товаров. Если и существует некая постоянная игра между капитализмом и потребителями, то счёт всегда оказывается в пользу капитала.

На мой вкус, теория чересчур оптимистична. К примеру, даже продуктивное эссе Хайдеггера «Вопрос о технике», весьма мрачно оценивающее воздействие технологических эффектов на культуру, под конец высказывает почти мистическую веру в «спасительную силу» нашей способности отыскать выход из опасностей технизированного мышления. *Я* надеюсь, что Хайдеггер прав, но у меня вызывают куда большее уважение мыслители, следующие за линией своей собственной аргументации, какой бы пессимистичной она ни была, а не привносящие элементы оптимизма, совершенно несовместимые с критическими аспектами их анализа. В конце концов, и авторы, и читатели должны проявить волю к пессимизму, если к этому ведут логические и критические выводы.

Наверное, именно поэтому я — большой почитатель Адорно, Бодрийяра, а в последнее время Жижека. Мне нравится то, что они мыслят, не боясь прийти к тому или иному заключению. Если состояние человека в технологическую эпоху вызывает у них беспокойство, они не боятся говорить об этом и не пытаются вывернуться при помощи таких, на мой взгляд, неубедительных понятий как «поток» и «желающие машины».

Вы совершенно справедливо назвали себя гуманистом, хотя, как мне кажется, суманизм — не такое уж старомодное понятие. Оно появилось не так давно, во всяком случае, позже, чем принято считать, и является продуктом раннего капитализма. У гуманизма есть как достоинства, так и недостатки, причём самый главный из них в нашем контексте — конституирование капиталистической «надстройки». Что же касается традиционного субъекта, его философское обоснование в наше время представляется явно недостаточным. Поэтому такие философы, как Делез, не

столько стремятся убить его, сколько констатируют его смерть (впрочем, об этом достаточно сказал уже Ницше). Мне кажется, коль скоро мы касаемся вопроса о «смерти субъекта» и непосредственно связанного с ним вопроса о власти, нельзя не вспомнить ещё одно имя — Фуко. Теоретики Франкфуртской школы придерживались традиционного представления о власти как о чём-то, довлеющим над человеком и обществом. Работы Фуко весьма убедительно показали нам, что не существует человека или группы людей, которые держали бы власть в своих руках; власть «приходит снизу» и пронизывает все аспекты человеческого существования (и в этом, кстати, Бодрийяр не расходится с Фуко). Более того, власть формируется самими людьми. И в этом свете утверждение о том, что детерриториализация субъекта способна подорвать «систему», становится более убедительным, а вопрос о том, кто контролирует «потоки», просто неоткуда задать. Таким образом, мне представляется, что вы используете иное определение власти, нежели Делез.

Вы затронули целый комплекс вопросов, и я попытаюсь ответить на них как можно проще.

Фуко, действительно, исключительно хорош, когда описывает био-политику власти, оперируя при этом на микроуровне социальной действительности, и я нахожу, что чтение его трудов — восхитительный опыт, дающий богатейший исторический материал. Однако проблема/опасность состоит в том, что такое понимание власти, переворачивающей её с ног на голову, ведёт к ощущению, будто власть везде, а потому, в некотором смысле, нигде. Как замечает Жижек в своей последней книге «Насилие», капитализм создаёт диффузную и дисперсную форму абстрактной власти, так что люди склонны считать, будто виноватых нет, невзирая на тот факт, что многие люди страдают и оказываются бесправными/бессильными из-за абстрактной природы биржевого курса, мировых рынков и т.п. Это ведёт к появлению тех, кого он называет «либеральными коммунистами», вроде Билла Гейтса и Жоржа Сороса, которые накапливают огромные состояния, зиждущиеся на капиталистической системе, а потом превращаются в благостных филантропов, дающих деньги на «добрые дела». Жижек утверждает, что даже если *субъективно,* на личностном уровне, эти люди могут оказаться хорошими, мы не должны забывать о том, что они виновны как часть *объективной* системы, совершающей насилие над миллионами людей, — он вводит это ключевое различие между *субъективными* и *объективными* формами насилия и утверждает, что медиа имеют дело с первыми, совершенно забывая о вторых.

Однако с фукольдианским пониманием власти следует обращаться осторожно и потому, что существует опасность переоценить в своих исследованиях объективную природу власти/насилия, забыв о её субъективной форме, — о людях, которые помогают сделать мир пространством насилия. Да, Фуко прав в том, что власть (или, в терминологии Жижека, насилие) повсюду, но мы должны избегать искушения, которому он поддался и которое состоит в отказе признавать вместе с тем, что даже если власть зачастую рассеяна повсюду, у неё есть вполне различимый источник. Например, Чавез в Венесуэле активно стремится к политическому процессу, который исторически приведёт к уничтожению фавел, но для того чтобы сделать это, он должен опереться на государственную власть. Игнорирование того факта, что власть и дисперсна, и сконцентрирована, приводит позднего Фуко к смутным эстетическим понятиям вроде «заботы о себе». Тем самым он рискует свести власть до личностного уровня, в то время как она остаётся чрезвычайно важным фактором на государственном уровне. Например, если

власть исходит снизу, чем можно объяснить глобальное военное и культурное доминирование США?

Я принимаю понятия Делеза «территориализация» и «детерриториализация», и я вновь и вновь возвращаюсь к его трудам, чтобы глубже осмыслить их. Сегодня для меня важнее всего постижение капитализма, для чего необходимо глубокое проникновение в те тенденции детерриториализации, которым Делез придаёт столь важное значение. Не об этом ли говорил Маркс: «всё сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется»? Итак, в основании капитализма лежит способность детерриториализоваться, а затем возрождать тот же процесс в форме инноваций, которые затем могут овеществляться («ветры творческого разрушения» Шумпетера). Я признаю интеллектуальный блеск концептов Делеза, но не могу не заметить, что на деле преимущество всегда остаётся за системой ретерриториализующейся, а не за той, над которой довлеют процессы детерриториализации. Адорно давно уже заметил, что «реалистическое инакомыслие — торговая марка тех, кто воплощает на деле новые идеи».

Кстати, нам всё-таки необходимо выяснить, что лее такое эта «система». Собственно, это всё тот же вопрос о природе власти. Только теперь мы спрашиваем не о том, что такое власть, а (вслед за Фуко) о том, как функционирует власть.

Я отвечу так: я не уверен, что вам удастся отделить вопрос о том, что такое власть, от вопроса о том, как она функционирует. *Я* полагаю, что, если вы обращаете внимание только на то, как функционирует власть (как это делает Фуко), вы рискуете упустить из вида того, кто обладает этой властью, а значит, не поймёте, как она функционирует. *Я* хотел бы вновь обратиться к жижековской интерпретации насилия: при капитализме власть существует в дисперсной и абстрактной форме — потребительной. Однако это не должно помешать нашему пониманию того, что люди вроде Билла Гейтса, жертвующие деньги на благотворительность, — это люди, за человеческим лицом которых стоит система насилия. Конечно, власть порой может проявляться в абстрактной форме, но она опирается на конкретных людей и институции.

Давайте вспомним одну из поздних работ Бодрийяра — «В тени молчаливого большинства». Бодрийяр здесь говорит о том, что социальное сменилось «массой» — чёрным телом, отвечающим на все призывы системы молчанием. Именно в этом он видит революционный («террористический») потенциал массы. Не усматриваете ли вы в этом возможность сопротивления «системе»?

Опять-таки, Жижек в своей книге «Насилие» отмечает, что порой бездействие оказывается мощной формой сопротивления. Например, Ганди представлял модель пассивного сопротивления, но его по видимости ненасильственный подход на деле приводил к весьма драматическому насилию, благодаря самому его примеру, подаваемому индийскому обществу. Другим примером могут служить запатисты Мексики, которые часто дают пищу для медиа, но потом возвращаются в джунгли и никак не объясняют свои действия. Это может вызвать замешательство у тех, кто стоит у власти. Лучшим примером из литературы, быть может, является «Писец Бартлби» Германа Мелвилла, который, когда его просят что-либо сделать, неизменно отвечает: «Я бы не предпочёл». В последние годы в Великобритании миллионы людей выступают против войны в Ираке, но на Тони Блэра это произвело самое незначительное впечатление; его намного больше взволновала низкая явка на избирательные участки (58 %). Тех, чья

власть основана на всеобщем признании легитимности игры, волнует отказ играть в эту игру.

Раз уж мы обратились к литературе, давайте подробнее поговорим о том, что вас как философа привлекает в современной литературе. В своей замечательной статье «Распознавание образов и быстроизменяющийся капитализм» вы анализировал романы Уильяма Гибсона. Я не могу не согласиться с вами в том, что его поздние романы, действие которых происходит в нашем времени, намного интереснее его ранних фантастических повестей. Правда, меня несколько смутило описание России в «Распознавании образов»: Россия действительно выглядит со стороны такой страшной?

Я думаю, что сегодня Россия видится Западу как совершенно особый случай, поскольку после десятилетий коммунизма капитализм здесь появился в ничем не ограниченной и невероятно активной форме. На Западе капитализм по крайней мере сдерживается различными процессами — профсоюзами, независимыми юристами и т.п., но, верно это или нет, Западу представляется, что в России капитализм совершенно неконтролируем.

Я хотел бы вспомнить другого писателя, модель творчества которого во многом схожа с гибсоновской — Йена Бэнкса. В его романе «Осиная фабрика» фигурирует юноша-аутсайдер (оказавшийся девушкой), создающий свой собственный мир. Но он/она живёт в изолированном мире. Герои других романов — «Умм, или Исида среди неспасённых», «Воронья дорога» и даже «Бизнес» — живут в потоке и, хотя и испытывают порой отвращение к нему, не слишком от него страдают, поскольку легко сохраняют свою самость, кстати, исключительно «левого» толка. Такое впечатление, что они, подобно даосам, нашли возможность двигаться с потоком, но не страдать от него.

Йен Бэнкс действительно пишет о людях, которым приходится иметь дело с потоком, однако мне представляется, что, хотя они и пытаются «двигаться с потоком», меня отталкивает их в конечном счёте адаптивная и аккомодационная реакция. Другими словами, мне кажется, что они приспосабливаются, потому что у них нет другого выхода. Может быть, это и правильно, но это значит, что они «максимально используют неблагоприятную ситуацию», а не совершают по-настоящему независимый выбор. Таким образом, моя критика заключается в том, что всевозможные теоретики потока чересчур часто пытаются утверждать, что такое адаптивное поведение — не просто адаптивное и реактивное, но самостоятельное.

Мне кажется, что персонажи романов Гибсона и герой романа Кунжру «Трансмиссия» (человек по имени «парнишка Свифт» (а имя Swift — Быстрый — весьма значимо для книги, фокусирующейся на ускорении жизни при капитализме)) показывают, какова цена людям, которые решили двигаться с потоком, — в подобных романах это, как правило, опустошённые, ограниченные людишки, утратившие связь со своими корнями и с обществом. Ключевым посланием творчества Гибсона является мысль о том, что удовольствия потока являются лишь жалкой заменой тем сторонам жизни, которые поток разрушил, — общественные ценности и т.п.

Я слышал, что на днях вы встречались с Жижеком. Расскажите, пожалуйста, об этой встрече.

Жижек выступал в Лидсе, Ливерпуле и Манчестере. В марте я надеюсь организовать для него поездку в Индию.

Как я понимаю, Жижек на сегодняшний день — один из самых привлекательных для вас философов. В России его популярность умеренна. Меня, например, он привлекает как лаканист, но вас он интересует скорее как социальный философ. Я прав?

Я не могу судить об уровне его популярности в России, скажу только, что, должно быть, его восточноевропейская перспектива для России не обладает такой новизной, как для Запада. Что же касается его лаканизма, в фильме «Zizek!» его обвиняют в приверженности учению Лакану; Жижек впадает в то, что я обычно называю «хрущёвским моментом» — он сердится и горячо заявляет: «Вы ломитесь в открытую дверь, я открытый лаканист!». Это характеризует Жижека с двух сторон: во-первых, он не скрывает своего лаканизма, а во-вторых, не любит прямолинейных вопросов. Этот второй аспект непосредственно связан с его статусом социального философа. В то время как работы Лакана при всей своей глубине зачастую остаются эзотеричными, Жижек применяет психоаналитические открытия Лакана к современной культуре и политике. Мне кажется, в интеллектуальных кругах к психоанализу относятся с недоверием из-за его не-эмпиричности и спекулятивности. Это проявляется в самых разных формах. Например, существует затасканная шутка о том, что те, кто ругает психоанализ, как раз больше всего нуждаются в психоанализе. Если же говорить серьёзно, стоит вспомнить Эдварда Бернайса, крёстного отца Public Relations и рекламной индустрии в США. Он был племянником Фрейда и сознательно применял психоаналитический подход к потребительской культуре. Как справедливо указывал Лео Лёвенталь, потребительская культура — это психоанализ наоборот. Он подразумевал, что в то время как психоанализ исследует ваш невроз с целью излечения посредством его разрешения, потребительская культура, напротив, стремится выявить ваш невроз с целью его последующей эксплуатации. Таким образом, капиталисту не резон продавать вам товар, который действительно выполнял бы то, что обещает (исполнение всех ваших желаний), потому что тогда капиталист остался бы без работы. Вся потребительская культура основана на непрестанной стимуляции желания и абсолютной невозможности это желание удовлетворить. Теодор Адорно прекрасно выразил это, сравнив потребителя товаров с едоком, которому приходиться довольствоваться меню (обещание пищи, а не настоящей пищей).

Использование Жижеком лакановского учения делает его крупным социальным философом, поскольку это позволяет ему привнести в критическую мысль новое измерение. К примеру, меня давно интересовала критическая теория, но по большей части она оказывалась мрачной и пессимистической. Конечно, это не означает её ложности, однако она давала довольно шаткие основания для надежды и политической деятельности. Жижек, напротив, при всей своей критичности использует психоанализ, что позволяет ему разглядеть идеологический характер социального в не-идеологических регистрах. Психоанализ становится теми очками, через которые Жижек смотрит на политику в эпоху, когда, как полагают, все мы должны оказаться капиталистами, — «конец истории» Фукуямы. На уровне эмпирической пригодности теории можно вспомнить о том, что так называемые «спекулятивные» теоретики неизменно работают с совершенно практическими объектами, в то время как эмпирически-ориентированные авторы

зачастую попадаются в ловушки своих собственных методологий и моделей. Поэтому вместо того чтобы нападать на спекулятивные теории, я нередко бываю очарован тем, что К. Райт Миллс называл «абстрактным эмпиризмом» социальных «наук». Западный академизм зачастую смотрит на теорию свысока, отдавая предпочтение методологии, имеющей дело с конкретными вещами. На мой взгляд, эмпирические методологии нередко позволяют обнаружить лишь то, для чего эти методологии разработаны. В отличие от них, теории вроде психоанализа помогают противостоять совершенно реальным политическим проблемам, таким, например, как динамический конфликт Отца и Сына, стоящий за войной в Ираке. Осмелюсь утверждать, что шекспировский «Гамлет» куда полезнее для понимания поведения Джорджа Буша (как Старшего, так и Младшего), чем целый рой по видимости более реалистических анализов политологов. Преимущество открыто теоретического подхода постоянно демонстрирует Жижек, который применяет немецкую идеалистическую философию и психоанализ к феноменам в диапазоне от кино и телевидения до реальных политических событий. Я полагаю, что он стал так популярен, потому что вдохнул новую жизнь в философию и теорию, которая слишком часто оказывалась вдалеке от реального мира.

И ещё один вопрос, касающийся ваших философских интересов. Какие авторы (и почему), кроме тех, о которых мы уже говорили, вас привлекают?

Я издавна интересовался работами Теодора Адорно, Жана Бодрийяра и Теодора Киттлера. Позже я всё больше стал читать труды Жака Деррида и Жиля Делеза, однако я бы не назвал себя большим знатоком этих авторов.

Вы редактируете журнал «International Journal of Žižek Studies». Мы уже размещали информацию об этом издании в «Хоре». Расскажите, пожалуйста, о том, какие люди стоят за вашим журналом. Насколько я понимаю, все держится на чистом энтузиазме? Ваш опыт интересует меня как редактора философского журнала: я хотел бы знать, чем отличается эта деятельность в Великобритании от аналогичной деятельности в России?

Я создал *«International Journal of Žižek Studies»* под впечатлением от великолепной работы журнала *«The International Journal of Baudrillard Studies»*. Основная проблема в том, что академически мыслящие учёные на Западе узнают о работах друг друга благодаря online-обзорам, однако на online-журналы смотрят с пренебрежением. Я называю это ложное преимущество бумажных журналов «моделью мёртвого дерева». Теперь мало кто читает бумажные журнальные статьи из-за их дороговизны и неудобства в их получении. Существует горькая ирония в том, что «левые» академики активно поддерживают методы, отталкивающие огромное количество учёных из развивающихся стран. Online-журналы решают эту проблему: они используют стандартизированный формат (существует замечательная новая система программного обеспечения, которая называется *«Open Journal Systems»,* а также сервисная служба *«The Open Humanities Press»,* занимающаяся продвижением online-журналов, использующих эту систему). Я пригласил участвовать в редакционном правлении много иностранных учёных из самых разных стран, которые выступают в роли консультантов. Вообще же журнал держится на моём энтузиазме и на энтузиазме моего американского соредактора Дэвида Ганкела из Университета Северного Иллинойса. Помимо небольшой ежегодной платы

американской компании, разместившей наш сайт на частном сервере, основная затрата сводится к тому времени, которое уходит на редактирование выпусков журнала.

А теперь я хотел бы задать ряд вопросов, традиционных для нашей рубрики интервью. Прежде всего, что такое философия сегодня?

К сожалению, сегодня философия стала уделом меньшинства и зачастую оторвана от повседневной жизни. Философия *должна* стать более актуальной. Порой люди думают, что задача философии — дать ответы на различные социальные и экзистенциальные проблемы, однако мне кажется, что, несмотря на всю важность такой задачи, роль философии этим не исчерпывается. Философия должна помогать людям взглянуть на мир по другому, и даже если они совершают ошибки, философия должна помочь им взять ответственность за собственные действия. В этом отношении я сторонник Сартра. Мне нравится его манера утверждать, что в нашем явно бессмысленном и жестоком мире самыми большими ценностями являются философия и наша моральная ответственность.

Импульс, заданный философией постструктурализма, по-видимому, исчерпан, а из представителей этого течения в живых почти никого не осталось. Что приходит или может прийти на смену постструктурализму? Что интересного, на Ваш взгляд, происходит сейчас в западной философии? И в каком направлении можно ожидать прорыва?

Я думаю, что философия сегодня разделяется на следующие три основные области:

1. Философия, существующая на университетских факультетах и не касающаяся политических вопросов.

2. Философия, обращающаяся к политическим проблемам лишь затем, чтобы укрепить *status quo* и обеспечить оправдание политическим деятелям и поборникам демократии, а потому затрагивающая лишь небольшое количество граждан.

3. Философия, которая не даёт ответов, но постоянно стремится к созданию новых перспектив, подвергая сомнению доминирующие идеологии. Она не связана с политической мыслью дисциплинарно и открыта для смежных дисциплин, таких как литература, социология и политология.

Я думаю, что эта третья область — самое интересное из того, что пришло на смену постструктурализму. Теоретики вроде Бодрийяра и Жижека политически релевантны. Они привлекают внимание к важнейшим политическим проблемам нашего времени, а их концепции противостоят банальным клише западных правительств.

Исчерпала ли себя глобальная программа модерна/постмодерна. Может ли возникнуть столь же масштабная новая парадигма?

По общему мнению, модерн кончился, и сегодня доминирует постмодерн. Но такие теоретики, как Бодрийяр и Жижек, во многом ещё продолжают отстаивать модернистские представления о значимости индивидуального субъекта и символической культуры.

Где сегодня географический центр философии? Что Вы можете сказать о происходящем в философской ойкумене — в Азии, Африке?

Я думаю, что в скором времени мировым лидером в философии станет Индия. Как и Россия, она находится в центре новых веяний в капитализме и разрушения традиционного общества. *Я* сотрудничаю с некоторыми индийскими философами. В Великобритании многие делают ставку на Китай как на нового мирового лидера, однако мне кажется, что они недооценивают потенциал Индии, способной задавать тон в наступившем столетии.

Что привлекает Вас в последнее время? Какие книги британских философов, вышедшие в недавнее время, Вы могли бы назвать значимыми? Что посоветуете почитать?

Мои интересы лежат в области прикладной философии, которая обращается к проблемам культуры и медиа. Британской философии в этой области нечем похвастать. Большинство британских философов сосредоточены на проблемах науки и техники или же занимаются весьма консервативными исследованиями «столкновения цивилизаций». Те же, кто задаёт тон в британских медиа— не настоящие философы, но удобные для медиа «говорящие головы». В силу различных обстоятельств самая интересная философия в последние несколько десятилетий приходила из Франции. Лично мне кажется, что во французском языке есть что-то такое, что создаёт своего рода игривость — *jouis-sens,* — для которой английский язык не годится. Британская и американская философия стремится быть прагматичной и логичной, а на мой вкус она просто скучна.

Что вы знаете о русской философии?

К сожалению, я мало что знаю о современной российской философии. С русской мыслью я знаком в основном благодаря литературе XIX столетия, которую я когда-то изучал в университете. Лермонтов, Тургенев, Достоевский — именно они позволили мне проникнуть в бездны русской души! Мне по душе взгляды этих писателей.

Спасибо за интересную беседу.

Беседу провёл А.В. Дьяков

Основные публикации П. Тейлора

монографии

1. Taylor P.A. Hackers: Crime and the Digital Sublime. L.: Routledge, 1999.
2. Taylor P.A., Jordan, T. Hacktivism & Cyberwars: Rebels with a Cause? L.: Routledge, 2004.
3. Taylor P.A., Harris J. Digital Matters: theory and culture of the matrix. L.: Routledge, 2005.
4. Taylor P.A., Harris J. Critical Theories of Mass Media Culture: Then & Now. Open University Press, 2008.

другие публикации

1. Taylor P.A. Hackers: Cyberpunks or Microserfs? // Information, Communication & Society. 1998. Vol. 1. №4. P. 401-119.
2. Taylor P.A., Jordan T. A Sociology of Hackers // Sociological Review. 1998. Vol. 46. № 4. P. 757-80.
3. Taylor P.A. Fleshing out the maelstrom: Biopunk and the Violence of Information // Korean IT journal Roasted Dream (Goo-Woon-Mong). 2000. № I. P. I 68-177.
4. Taylor P.A. Informational Intimacy & Futuristic Flu: Love & Confusion in the Matrix // Information, Communication and Society. 2001. Vol. 4. № 1. P. 74-94.

5. Taylor P.A. Humboldt's Rift: the commercialisation of European Higher Education // European Political Science. 2003. Vol. 3. № 1. p. 75-84.
6. Taylor P.A. Waiting for the Barbarians & and the naked Emperor's Chicken // Higher Education Review. 2003. Vol. 35. № 2. P. 5-23.
7. Taylor P.A., Harris J. Phantom Objectivity // International Journal of Baudrillard Studies. 2005. Vol. 2. № 2.
8. Taylor P.A., Harris J. Baudrillard Bytes // International Journal of Baudrillard Studies. 2005. Vol. 2. № 2.
9. Taylor P.A. Prom Hackers to Hacktivists: speed bumps on the global information superhighway? // Special «Hacking edition» of New Media & Society. 2005. P. 625-646.
10. Taylor P.A. Baudrillard's Radical Media Theory // International Journal of Baudrillard Studies. 2006. Vol. 4. № 1.
11. Taylor P.A. Putting the critique back into A Critique of Information // Information, Communication & Society. 2006. Vol. 9. № 5. P. 553-571.
12. Taylor P.A. Pattern Recognition in Fast Capitalism: Calling Literary Time on theorists of flux // Fast Capitalism. 2006. Vol. 2. № 1.
13. Taylor P.A. Why Žižek? Why Now? // International Journal of Žižek Studies. 2007. Vol. 1. № 1. P. 1-10.
14. Taylor P.A. The Death of a Symbol in King Herod's Creche // International Journal of Baudrillard Studies. 2007. Vol.4. № 3.

разделы монографий

1. Taylor P.A. Hacktivism: in search of lost ethics? // Crime and the Internet. Ed. D. Wall. L.: Routledge. 2001. P. 59-73.
2. Taylor P.A. The Social Construction of Hackers as Deviants // Readings in Deviant Behavior. 2nd Edition. Eds. Thio A. and Calhoun T.C. Boston: Allyn & Bacon, 2001. P. 283-292.
3. Taylor P.A. Hacktivists: Resistance is Fertile? // The Blackwell Companion to Criminology. Ed. C. Sumner. Oxford: Blackwell [international edition], 2003. P. 486-500.
4. Taylor P.A. TrickE-business: Malcontents in.the Matrix // The Economic & Social Impacts of E-Commerce. Ed. S. Lubbe. Idea Group Publishers USA [international edition], 2003. P. 1-21.
5. Taylor P.A. Misogynists or Maestros? Gender and the social construction of hacking // Dot.Cons. Ed. Y. Jewkes. Devon: Willan Publishers, 2003. P. 126-146.
6. Taylor P.A. Keyboard Protest: Hacktivism & Electronic Civil Disobedience // Anti-Capitalist Britain. Eds. Carter and Morland. Cheltenham: New Clarion Press, 2004. P. 114-126.
7. Taylor P.A. Remote from Reality: Living in the New Plato's Cave // Essays on Creativity, Technology & Remoteness. Ed. E. Posey. Bloc Press, 2004. P. 16-20.
8. Taylor P.A., Harris J. Hacktivism // The Handbook of Information Security. Ed. H. Bidgoli. Iloboken (NJ): John Wiley & Sons, 2005. P. 172-182.
9. Taylor P.A. The pornographic barbarism of the self-reflecting sign // Media and Political Violence. Eds. Nossek H., Sreberny A. and Sonwalkar P. Hampton Press., 2006. P. 349-366. (Reprinted in the International Journal of Baudrillard Studies 4(1) and in Signs of War: From Patriotism to Dissent. Eds. Obajtek-Kirkwood A.-M. and Hakanen E.A. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007.)
10. Taylor P.A. Die Politik der Fiktion - oder warum Literatur mehr ist als das was ich im Zug auf dcm Weg zur Arbeit lese // Politik der Cultural Studies. F^ds. Harrasser K., Riedmann S. and Scott A. Hamburg: Argument Verlag, 2007. P. 247-266.
11. Taylor P.A. Hackers: Cyberpunks or Microserfs? // The Cybercultures Reader. 2nd ed. Eds. Bell I), and Kennedy B. E.: Routledge, 2008.
12. Taylor P.A. Hacktivism // International Communication Association's International Encyclopedia of Communication. Oxford: Blackwell Press, 2008.

переводы

1. Baudrillard J. War Porn (La Pornographie de la Guerre). Transl. P.A. Taylor // Journal of Visual Culture. 2006. Vol. 5. № 1. P. 86-88. (Reprint: The Conspiracy of Art. Ed. S. Lotringer. N.Y.: Semiotext(e), 2006. P. 205-209.